

по случаю ли пасхи или рождества. Словом, отправился он в монастырь кордельеров и обратился к одному тамошнему монаху, а тот, будучи наслышан о его поступках и злом нраве, знал, что он за птица; сержант же думал, что ему о нем ничего не известно, иначе нипочем бы сюда не явился. Итак, сержант попросил принять у него исповедь, святой отец согласился и пошел, как положено, в исповедальню. Сержант опустил перед ним на колени, прочитал *Benedicite*³³ и принялся каяться, да так хитро, что перебирал мелкие грешки и проступки, а настоящие пороки обходил молчанием. В общем, то была исповедь Лиса,³⁴ который кается в том, что толкнул ненароком курицу Русетту, а о том, что сожрал ее – молчок.

Точно так же поступал наш сержант: о тяжких грехах не заикался, а в пустяках винился. Больше всего корил он себя и опасался гнева божьего из-за чрезмерного пристрастия к мясному. Самое же преступное его деяние заключалось якобы в том, что, проходя как-то мимо дома, где жарилось мясо, он не утерпел и понюхал. И вдыхал этот аромат с таким вожделением, что, верно, оскорбил всевышнего и теперь считал себя достойным вечного проклятия и уповал лишь на милосердие господне. Монах выслушал перечень всех этих ничтожных прегрешений, каковые, вместе взятые, и одного греха не стоили, и спросил, не припомнит ли сержант за собой чего-нибудь еще, тот сказал, что больше ничего нет. Все же монах, зная, что за ним водится, настаивал и назвал несколько тягчайших грехов, в которых, как ему было известно, тот был повинен, но сержант отрекся не моргнув глазом. Видя этакую его наглость, монах и говорит, что, понюхав жаркое, он-де тяжко оскорбил бога и что, даже не будь этого, уже одно его пристрастие к мясному – большой грех, который должно искупить, и в самом деле наложил на него епитимью, да такую строгую, что сержант оторопел. За услаждение мясным духом получил он такую же, если не большую, кару, чем если бы исповедался во всех грехах, в коих был на деле виновен. Понятно, что сержант был немало раздосадован, однако виду не подал и, приняв отпущение, встал с колен и пошел восвояси. Предписанную епитимью он, как говорят, выполнил, но обиды не простил, затаил злобу против монаха и ждал случая отомстить.

В скором времени этот самый монах поехал читать проповедь в одно селение, где в тот день освящалась церковь и устраивалось празднество. Происходило сие во владениях некоего дворянина из Меца, который был в дружбе с нашим сержантом. Его-то этот дворянин и пригласил с собою вместе на праздник – он уже много раз убеждался, что сержанта, которого к тому же знали как любимца сеньора, народ боится и слушается больше, чем его самого.

Время было летнее, день стоял погожий, и вот, когда церемония и праздник подошли к концу, сержанту припала охота прогуляться. Проходя мимо одного сада, он увидел лошадь, привязанную к стволу дерева недоуздом да щипавшую траву, а рядом начиналось большое пшеничное поле. Длина привязи была такова, что позволяла лошади отходить довольно далеко от дерева и кружить вокруг него, подходя же к краю поля, она вытягивала шею и принюхивалась, словно была не прочь полакомиться пшеничкой, кабы могла. Однако, как ни близко, но ей было не дотянуться.

Сержант осведомился у местных жителей, чья это лошадь, и услышал в ответ, что ее хозяин – святой отец, читавший проповедь нынче в церкви, он-то и привязал ее пастись. Узнав, что лошадь принадлежит тому монаху, сержант возрадовался – самого монаха он заметил и раньше, но не знал, что у него была с собой лошадь. Тут-то и решил он отомстить за строгую епитимью, что наложил на него некогда брат-кордельер. Зная наперед, что местные судьи ни в чем ему перечить не станут – тому порукой его короткое знакомство с сеньором, он отвязал лошадь и отвел ее к ратуше, в особое помещение для скота, замеченного в потраве.

Когда святой отец пришел за своей лошастью, он не нашел ее на месте. Удивился он и стал расспрашивать, не знает ли кто, куда она делась, и ему сказали, что сержант из Меца взял его лошадь и отвел к судье, потому что застал ее за потравой пшеницы. Услышав это, бедняга монах изумился: ему казалось, что лошадь была надежно привязана и что никак не могло случиться, чтобы она забрела в поле, а о епитимье, которую он когда-то наложил на сержанта, он уж давно позабыл. Уверенный в своей правоте, он отправился в суд, жалуюсь, что сержант увел его лошадь ни за что, ибо она была привязана и пшеницы не портила. Призвали сержанта, и он подтвердил свое об-

³³ *Benedicite* – «благословите» (лат.), начало многих католических молитв.

³⁴ Намек на один из эпизодов средневекового французского «Романа о Лисе» (конец XII – начало XIII в.), яркого памятника сатирической литературы, где под видом мира животных изображена феодальная действительность.